

Круглов А. Н.* Кант и «внутренняя колонизация России» (рецензия на книгу Эткинда А. М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова. — М. : Новое литературное обозрение, 2013. — 448 с.)

В издательстве «Новое литературное обозрение» в 2013 г. вышла монография А. М. Эткинда под названием «Внутренняя колонизация. Имперский опыт России», представляющая собой авторизованный перевод с английского В. Макарова (оригинальная книга Эткинда на английском языке появилась в 2011 г. в издательстве *Polity Press*). В аннотации российского издательства книга «известного филолога и историка, профессора Кембриджского университета» представлена как некое движение от истории к литературе и обратно, в которой даются «неожиданные интерпретации критических текстов об имперском опыте, авторами которых были Дефо и Толстой, Гоголь и Конрад, Кант и Бахтин».

Исследование Эткинда привлекло мое внимание еще предшествующей выходу книги публикацией в Интернете, реферирующей главу будущего перевода о самом знаменитом кёнигсбергском мыслителе¹, а также восторженной рецензией на уже опубликованную книгу², в которой С. Львовский утверждал, ни много ни мало, что новая работа Эткинда при удачных обстоятельствах и в случае многомесячного обсуждения может даже изменить «представление этой самой *любой страны* о самой себе».

Поучаствовать в обсуждении со знанием дела в полном объеме, то есть охватывая содержание и временной диапазон от Рюрика до современности, у меня не получится, но об одной главе новой книги Эткинда под названием «История приходит к Канту» (с. 273–302) я попробую высказаться в меру своей компетентности. Сквозь призму собственных представлений о внутренней колонизации России автор рассматривает здесь период русской оккупации Кёнигсберга в Семилетней войне и творчество Канта в указанный период. К каким же «неожиданным интерпретациям» он при этом приходит?

Повествование Эткинда начинается согласием с оценкой постколониального философа Г. Ч. Спивак, согласно которой «сам Кант проводил границу между дикарями и разумными людьми и писал свою философию исключительно о последних» (с. 273). Кант долго прожил, написал немало произведений, не раз трансформировал взгляды, но, оказывается, свою философию, без каких бы то ни было оговорок и ограничений, писал исключительно о разумных людях, а не о дикарях. Увы, я мало понимаю постколониальную философию, но мне доводилось читать Канта, а поэтому я знаю, что, например, выводы «Критики чистого разума» имеют силу для нас, конечных людей, с отсутствующим интеллектуальным созерцанием и

---

*doi: 10.5922/0207-6918-2013-4-7

© Круглов А. Н., 2013

¹ См.: Александр Эткинд: Кант под российским правлением. URL: <http://gefter.ru/archive/7025> (дата обращения: 10.12.2012).

² Львовский С. Помимо Востока и Запада. URL: <http://archives.colta.ru/docs/31055> (дата обращения: 4.09.2013).

именно с временем и пространством как априорными формами чувственности, тогда как основные выводы «Основоположения к метафизике нравов» и иных этических работ критического периода справедливы не только для людей, но и для всех разумных существ (*Vernunftwesen*). С ранних работ докритического периода и, насколько можно судить, до конца жизни Кант разделял убеждение о том, что ряд других планет населен иными существами; более того, он даже пытался их классифицировать в соответствии с их познавательными способностями. Однако сторонники так называемой «постколониальной философии», вероятно, делят на дикарей и разумных людей также и ангелов, и инопланетян.

Жизненная история Канта в книге начинается с его тридцатилетия, вскоре после достижения которого он стал в 1755 г. «лектором» (см. с. 280) Кёнигсбергского университета. И если в первые годы своего преподавания Кант верноподданнейше обращался к прусскому королю Фридриху Великому, то после начала русской оккупации — уже к российской императрице Елизавете Петровне. Комментируя это, как кажется, вопиющее противоречие, Эткинд замечает: «Позже Кант назовет “вертушками” людей, быстро меняющих свои убеждения, и именно на такую нехватку автономии поведет свое великое критическое наступление» (с. 281). Я не знаю, переводом какого немецкого термина Канта оказывается, в конце концов, русское слово «вертушка», но мне сложно уяснить, какое отношение смена подданства в середине XVIII века, то есть еще до Наполеоновских войн, имела к убеждениям и автономии. Возможно, нам трудно понять сегодня взгляды тогдашних людей, однако кривить душой при присяге Елизавете Петровне большинству восточных пруссаков, судя по разным свидетельствам, не приходилось; те же, кто не желал этого делать, могли беспрепятственно, хотя и не бесплатно, покинуть Кёнигсберг. Более того, любовь и привязанность к своему Отечеству и своему народу русских солдат и офицеров того времени сильно отличала их от пруссаков и свидетельствовала, по мысли Канта, об их недостаточной просвещенности, в то время как «немец не так сильно привязан к своему Отечеству, и уже это свидетельствует о просвещенном народе»³.

Обращение Канта к российской императрице последовало в связи с кантовской попыткой занять вакантное место профессора логики и метафизики в 1758 г. Эткинд утверждает:

Должность профессора тогда досталась одному из соперников Канта, Даниелю Вейманну. Как считал советский исследователь, причиной неудачи Канта было вмешательство российского офицера Андрея Болотова (Gulyga 1987: 36).

А. В. Гулыгу, может быть, и можно упрекнуть за излишнюю популяризацию и легковесность в отношении к критическим сочинениям Канта, однако это был исследователь, работавший в архивах и многочисленных библиотеках и впервые обративший внимание мирового кантоведения на некоторые упущенные или забытые стороны философской биографии Канта. У читателя монографии Эткинда может сложиться впечатление, что тезис о профессорстве Веймана проистекает со страниц кантовской биографии Гулыги. К сожалению, я не располагаю английским переводом книги

³ *Menschenkunde* Starkes (1781/82) // Kant's Gesammelte Schriften (AA) / Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 25. Berlin, 1997. S. 1185.

Гульги, однако Эткинд приводит в списке литературы в том числе и исходный русский оригинал данной книги (см. с. 396). Во втором (неисправленном) русском издании книги Гульги на с. 44 черным по белому написано, что профессором в 1758 г. стал Бук⁴, после чего и следуют необоснованные спекуляции о возможной роли Болотова, на которые ссылается Эткинд. Каким чудодейственным образом профессор Фридрих Иоганн Бук (1722—1786) превратился в магистра Даниеля Веймана (1732—1795)?

И ладно бы, если речь шла о единичной досадной оплошности, но ведь на противопоставлении Канта «профессору» Вейману строится дальнейшее исследование Эткинда, обрастая все новыми и новыми «неожиданными интерпретациями». Вот А. Т. Болотов усердно изучает философию у Веймана. Разъясняя само содержание этих занятий, Эткинд пишет:

Вместе Болотов и Вейман читали работы философов-теологов, таких как Христиан-Август Крузиус, которого Фридрих II объявил личным врагом и изгнал из прусских университетов (Zammito 2002: 276). При российской оккупации эти правые мыслители снова вошли в моду (с. 282).

Дж. Заммито — серьезный историк, и он вряд ли написал бы такую нелепость. Открыв соответствующую страницу его книги про Канта и Гердера, относительно кантовских замечаний в так называемой «Логике Бломберга» (ок. 1771 г.) читаем: «It is also appropriate to the Prussian University context in which Frederick II had pronounced Crusius and his teachings *non grata*»⁵. К сожалению, я не могу похвастать хорошим знанием английского языка, но даже моих скудных познаний достаточно, чтобы понять, что тезис о знаменитом лейпцигском философе и теологе Хр. А. Крузии как о «личном враге» Фридриха Великого есть не утверждение американского историка, а приписываемая ему фантазия Эткинда. Как Крузий при этом умудрился оказаться еще и «правым мыслителем», ставит меня в тупик: кроме ленинской критики Канта «справа» мне на ум ничего не приходит, да ведь Крузий о Канте вовсе не высказывался. Не меньшая оторопь берет и от утверждения про снова вошедшее в моду во времена русской оккупации крузианство: до Семилетней войны его изгнали из прусских университетов, а в 1758—1762 гг. оно снова вернулось и оказалось в фаворе. И тут, помимо всего прочего, обидно за еще одного неординарного исследователя кантовской философии, тень на которого, вслед за Гульгой и Заммито, бросил Эткинд, — я имею в виду М. Кюна. Буквально на следующей странице своей книги Эткинд в связи с полемикой Канта и Веймана ок. 1759 г. замечает, что последнего «уволнили из университета 15 лет спустя (Kuehn 2001: 215)» (с. 283). А вот что написано в оригинале у самого Кюна: «The teaching of Crusius was thus effectively forbidden in 1775. Weymann was eliminated as Kant's rival»⁶. Но если преподавание, по Крузию, в прусских университетах в 1775 г. было запрещено, то как оно после запрета смогло снова войти в моду в русском Кёнигсберге 1758—1762 гг. — при помощи машины времени? Держал ли автор в руках книгу Кюна, цитату из которой приводит в своем исследовании, а если да, то каковы его филологические и исторические методы работы с текстом? Кюн — солидный кантовед, а поэтому ни о каком увольнении Веймана из университета в 1775 г. у него, в

⁴ См.: Гульга, А. В. Кант. М., 1981. С. 44.

⁵ Zammito J. H. Kant, Herder and the Birth of Anthropology. Chicago ; L., 2002. P. 272.

⁶ Kuehn M. Kant: A Biography. Cambridge, 2001. P. 215.

отличие от ссылающегося на него Эткинда, не сказано. Рескрипт прусского министра просвещения барона А. фон Цедлица и Ляйпе от 25 декабря 1775 г., в отношении преследования крузианской философии лежащий тяжким грузом на блестящую просветительскую деятельность этого выдающегося государственного деятеля, не означал автоматического увольнения Веймана и иных крузианцев из Альбертины, но предписывал им при чтении лекций заниматься иными материями, нежели крузианской философией⁷. Вплоть до летнего семестра 1780 г. Вейман по-прежнему читал курсы в университете Кёнигсберга, как это недвусмысленно следует из опубликованных анонсов⁸. После же 1780 г. (вплоть до возвращения уже при новом прусском короле) находиться в университете он не смог, ибо, выражаясь языком Эткинда, «вертушкой» он не был, а поскольку речь шла о действительно важных вопросах, а не о подданстве — о приверженности той или иной философии, — своим убеждениям Вейман не изменил даже перед лицом изгнания из университета.

В чем же состояло соперничество Канта и Веймана? Если верить Эткинду, дело обстояло так:

Назвав Веймана «циклопом» и отказавшись участвовать с ним в публичных дебатах, Кант, наверное, знал о его связях с российской администрацией. Затянувшийся конфликт Канта с Вейманом вспыхнул вновь после их работ об оптимизме; в оккупированном городе этот вопрос был принципиально важным (с. 282).

Во-первых, возникают вопросы: о каких связях Веймана с российской администрацией идет речь, и на каких источниках Эткинд в своих утверждениях базируется? Мне приходилось знакомиться с некоторыми архивными документами так называемой Кёнигсбергской конторы в РГАДА в Москве, а также архивными материалами Веймана в Тайном прусском архиве в Берлине-Далеме — ничего о его связях с российской администрацией я не видел. Если же речь банально идет о том факте, что на лекции к Вейману ходил русский офицер-переводчик, то почему бы в связях с российской администрацией на таком же основании не обвинить и самого Канта, ведь Эткинд двумя страницами ниже сообщает, что Кант преподавал ряд дисциплин российским офицерам? В чем было тогда отличие Канта от Веймана? Хронология описываемых событий в изложении Эткинда выглядит так: отказ от «публичных дебатов», а потом продолжение затянувшегося конфликта после работ об оптимизме. То, что здесь названо «публичными дебатами», вообще-то говоря, есть оппонирование на защите диссертации Веймана об оптимизме⁹. После публикации диссертации Кант

⁷ См. значительные куски текста этого рескрипта: *Arnoldt E. Möglichst vollständiges Verzeichnis aller von Kant gehaltenen oder auch nur angekündigten Vorlesungen nebst darauf bezüglichen Notizen und Bemerkungen // Arnoldt E. Gesammelte Schriften / Hrsg. von O. Schöndörffer. Bd. 5. Berlin, 1909. S. 249.*

⁸ См.: *Vorlesungsverzeichnisse der Universität Königsberg (1720–1804) / Mit einer Einleitung und Registern hrsg. von M. Oberhausen, R. Pozzo. Bd. 1, 2. Stuttgart-Bad Cannstatt, 1999. S. 311, 318, 325–326, 346, 353.*

⁹ *Dissertatio philosophica de mundo non optimo quam consentiente amplissimo philosophorum ordine pro receptione in eundem defendet in auditorio philosophico M. D. Weymann, respondentente J. Chr. Granow, Stolp. pom. S.S.T. stud. opponentibus, J. B. Schlemüller, Doersch. lith. U.I.C. E. Chr. Schultz, Reg. prusso. theol. stud. et J. J. Kaeyer, Reg. prusso, philos. et theol. stud. die vito octobris A. MDCC LIX. ND // Sgarbi M. The Kant-Weymann Controversy. Two Polemical Writings on Optimism. Verona, 2010.*

отверг предложение Веймана выступить оппонентом на ее защите, а через неделю после защиты опубликовал собственную работу «*Versuch einiger Betrachtungen über den Optimismus*» (1759), на которую Вейман ответил полемическим сочинением¹⁰. Но если я правильно понимаю текст Эткинда, ему нечто известно о конфликте Веймана и Канта еще до публикации диссертации первым и отказа оппонировать вторым. Конфликт этот, возможно, действительно имел место до упомянутых событий. По крайней мере, объясняя в письме свой отказ от оппонирования, Кант говорит не о связях с российской администрацией, а об «известной нескромности» Веймана¹¹. Поэтому я заинтригован в ожидании дальнейших авторских разъяснений этого действительно темного вопроса.

Тезис Эткинда о том, что сочинения об оптимизме оказывались принципиально важными в оккупированном городе, демонстрирует одну сложность, с которой можно столкнуться при чтении философских текстов былых времен. Об этом неловко говорить, но широко употребляемое ныне слово оптимизм в его противопоставлении пессимизму не имеет практически никакого отношения к обсуждаемой Вейманом и Кантом проблеме «оптимизма». Вопрос, который они решали, вытекал из некоторых положений лейбнизианской философии и заключался в следующем: является ли наш мир наилучшим из возможных? Широко обсуждаемым этот вопрос стал благодаря конкурсу Берлинской академии наук, в 1753 г. объявленному на 1755 г. У Канта даже остались черновые наброски ответов на уточненные конкурсные задания¹². Второй из них, к слову, начинается так:

Оптимизмом является такое учение, которое пытается оправдать зло мира из предпосылки некоей бесконечно совершенной, благой и всемогущей первосущности, доказывая, что, несмотря на все кажущиеся противоречия, то, что выбирается этой бесконечно совершенной сущностью, все же должно быть наилучшим среди всего возможного...

Вейман, следуя Крузию, отрицал тезис о нашем мире как наилучшем из возможных; Кант же, напротив, его утверждал, но под конец жизни советовал сжечь все экземпляры этого своего раннего сочинения. Новый импульс данным спорам придало страшное землетрясение в Лиссабоне в 1755 г., которое серьезно поколебало веру сторонников оптимизма. Но какое отношение это имеет к Семилетней войне? Что нам дает тот факт, что Вольтер, язвительно полемизируя с Лейбницем, часть Семилетней войны провел в Берлине (см. с. 284–285)? Именно природный катаклизм в Лиссабоне, а не Семилетняя война стал потрясением для философских умов того времени. Чудовищная трагедия со страшными человеческими жертвами рушила привычную картину мироздания, очередной же войной в Европе XVIII в. никого было не удивить. Когда Эткинд, как ему, вероятно, кажется, остроумно замечает, будто «оптимизм» Канта оправдался, поскольку Веймана уволили из университета (см. с. 282–283), в комичном виде предстает не Кант и не Вейман.

¹⁰ См.: *Weymann D.* Beantwortung des Versuchs einiger Betrachtungen über den Optimismus: Den 14. October, 1759. Königsberg, 1759. ND // *Sgarbi M.* The Kant-Weymann Controverse. Two Polemical Writings on Optimism.

¹¹ См.: *Kant I.* Brief an J. G. Lindner vom 28. Oktober 1759 // AA. Bd. 10. Berlin, 1922. S. 19. №. 13.

¹² См.: *Ref.* 3703, 3704, 3705 // AA. Bd. 17. Berlin, 1926. S. 229–239.

Количество нелепых ошибок всего лишь на нескольких страницах текста книги Эткинда удивительно. Упомянув графиню фон Кайзерлинг, автор утверждает: «В течение десятков лет он [Кант] учил ее детей, приходил к ней на ужины и называл ее своим „идеалом женщины“» (с. 283). У графини фон Кайзерлинг (1729–1791) было всего два сына, оба от первого брака, 1745 и 1747 г. рождения. Как можно в течение десятков лет (sic!) учить детей, разница в возрасте которых составляла два года, а не двадцать лет, трудно понять и безотносительно Канта, Кёнигсберга и внутренней колонизации. Но и это не все: «Записки Болотова не оставляют сомнений в том, что в 1759–1760 гг. фон Кайзерлинг была любовницей российского генерал-губернатора Пруссии барона Николая фон Корфа и что об этом знал весь город» (с. 283). Этот вопрос также задавать нелепо, но слышал ли автор о критике источников, которыми пользуются историки? В отличие от Веймана, об этой необычной женщине известно немало из самых разнообразных источников; пожалуй, лучшее исследование о ней на основе их скрупулезного изучения до сих пор принадлежит перу В. Салевски¹³. Доверчиво передаваемые Эткиндом сплетни¹⁴ Болотова на темы, о которых он в силу своего положения попросту не мог знать из первых рук, насколько мне известно, никакими иными источниками не подтверждаются. Между тем основательная критика записок Болотова как недостаточно достоверного исторического документа представлена еще в работах известного военного историка, офицера Генштаба Д. Ф. Масловского¹⁵. При всей ценности записок Болотова, которым Эткинд придает такое экстраординарное значение, имеет смысл задать вопрос: а насколько типичным было отношение к себе, к русским, к пруссакам, к Кёнигсбергу, с которым мы встречаемся на страницах его воспоминаний? Можно ли тут делать какие-то обобщения и экстраполяции? Вот, например, Эткинд отмечает: «...Болотов считал, что немцы превосходят русских в модах, прическах, кулинарии, школах, книготорговле и многом другом» (с. 287). Где в этом списке соотношений находится, скажем, армия — в конце концов, Болотов ведь числился офицером? И что было распространено среди россиян того времени больше: восхищение перед прусскими обычаями, как у Болотова, или откровенная неприязнь, как у Д. И. Фонвизина (про А. В. Суворова я и вовсе молчу), неоднократно бывавшего в Кёнигсберге вскоре после окончания оккупации и оставившего следующие воспоминания:

Улицы узкие, дома — высокие, набиты немцами, у которых рожи по аршину. Всего же больше не понравилось мне их обыкновение: ввечеру в восемь часов садятся ужинать и ввечеру же в восемь часов вывозят нечистоты из города. Сей обычай дает ясное понятие как об обонянии, так и о вкусе кёнигсбергских жителей¹⁶.

¹³ См.: *Salewski W. Kants Idealbild einer Frau. Versuch einer Biographie der Gräfin Truchsess von Walburg (1727–1791) // Jahrbuch der Albertus-Universität zu Königsberg/Pr. 1986. № 26–27.*

¹⁴ А сплетня эта окажется в дальнейшем использована для «неожиданной интерпретации» сочинения Канта «Предполагаемое начало человеческой истории» (см. с. 302).

¹⁵ См.: *Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. М., 1886. Приложение к 1-му вып. С. 34–49.*

¹⁶ *Фонвизин Д. И. Из «Писем к матери». Цит. по: Костяшов Ю. В., Кретицин Г. В. Россияне в Восточной Пруссии. Калининград, 2001. Ч. 2. С. 71.*

Говоря о значении записок Болотова для кантоведения, Эткинд бросает упрек иностранным исследователям в том, что они «не замечали влияние, оказанное на Канта российской оккупацией Кёнигсберга, и обходили вниманием важный первичный источник: записки Андрея Болотова», о котором иностранные биографы Канта знают лишь из англоязычного перевода книги Гульги о Канте (с. 285). Все три эти утверждения ложны. О первом я еще скажу особо, а относительно второго и третьего просто отмечу кантовскую биографию Кюна — последнюю монументальную работу такого формата. В книге Эткинда присутствуют цитаты из этой биографии. Упоминается она и в его списке литературы. Между тем в многочисленной библиографии у самого Кюна на с. 512 содержится и такой источник: «*Leben und Abenteuer des Andrej Bolotow von ihm selbst für seine Nachkommen aufgeschrieben*»¹⁷. Конечно, немецкий перевод является сокращенным, и некоторые особенно интересные с точки зрения кантовской философии и ситуации в университете Кёнигсберга разделы в нем отсутствуют. Тем не менее вынужден еще раз повторить уже звучавший вопрос: а держал ли Эткинд в руках цитируемую им биографию Кюна?

Дальнейшие исторические обобщения в книге о внутренней колонизации просто поражают воображение. Эткинд пишет, что мнения графини и философа «о России, а возможно, и о русской оккупации были противоположны. Тридцать лет спустя их общий друг записал застольный разговор у Кейзерлинг, из которого ясно, что Россия не выходила у этих людей из головы...» (с. 283). Само содержание разговора со ссылкой все на того же несчастного Кюна передано в таком искаженном виде, что в нем с трудом можно разглядеть тот смысл, который содержится в оригинале у Т. Гипшеля¹⁸. Вообще-то этот разговор 1788 года шел о политике и об интересе прусского двора сделать курфюрста Саксонии королем Польши. И мне бы очень хотелось понять, как из него можно сделать выводы об отношении графини Кайзерлинг и Канта к русской оккупации Кёнигсберга в 1758—1762 гг.? Что Эткинду позволяет утверждать, будто тридцать лет Россия не выходила у кёнигсбержцев из головы — как это следует из разговора? И что позволяет экстраполировать конкретные оценки Кантом политических действий России в 1788 г. на его отношение к России в целом, да еще и на протяжении всей жизни — хотя бы на кантовское согласие стать членом Академии наук в Санкт-Петербурге?

А теперь снова конкретный пример:

Кроме преподавания в университете Кант обучал географии, прикладной математике и пиротехнике российских офицеров, говоривших по-немецки, таких как Орлов и Болотов. Очевидно, за это ему платили (с. 284).

Смысл последней фразы я до конца не понимаю, но если я не совсем заблуждаюсь, то имеется в виду, что русские офицеры не стали приставлять штык к груди Канта с требованием бесплатного обучения, а спокойно

¹⁷ *Leben und Abenteuer des Andrej Bolotow von ihm selbst für seine Nachkommen aufgeschrieben* / Aus dem Russischen ausgewählt und übertragen von M. Schilow u.a.; / Hrsg. von W. Gruhn. Tl. 1–2. München, 1990. См. также у Кюна ссылки на эти записки Болотова: *Kuehn M. Kant: A Biography*. P. 456.

¹⁸ См.: *Hippel Th. Ein Abend in der Gesellschaft Alt-Königsbergs (16.12.1788) (niedergeschrieben am gleichen Tage) // Reichs philosophisches Almanach auf das Jahr 1924. Immanuel Kant zum Gedächtnis 22. April 1724. Darmstadt, 1924. S. 218, 220.*

выложили за это деньги. Многочисленные рассказы о преподавании Канта русским офицерам основываются, в конце концов, на одном-единственном источнике — на свидетельстве младшего современника Канта Ш. Ванновски 1804 года:

[Кант] частно (*privatim*) преподавал многим русским офицерам математику во время Семилетней войны. Он обращал большое внимание на фортификацию и вообще на военную архитектуру и пиротехнику¹⁹.

Как и Вейман, «лектор» Кант был приват-доцентом и жил за счет платы за свои курсы со студентов и иных слушателей. Ванновски прямо говорит о частных занятиях, профессором Кант тогда еще не стал, так что же может означать фраза про, очевидно, оплату русскими офицерами занятий? Кстати сказать, какой она могла быть, можно составить себе некоторое представление по воспоминаниям композитора, исполнителя, музыкального критика Иоганна Фридриха Райхардта (1752—1814), выросшего в доме графини Кайзерлинг и бывшего ее музыкальным партнером, но ничего не слышавшего при этом о ее интимных связях с губернатором Корфом, о которых якобы знал весь город, и в том числе Болотов. Райхардту, позднее учившемуся в университете у Канта, оккупация запомнилась тем, что «русские офицеры часто упражнялись в музыке»²⁰:

Они принесли очень много денег в Пруссию и тратили их чрезвычайно щедро. Маленькому Фрицу они часто до краев наполняли рублями [футляр] скрипки, на которой он исполнял свои первые пьесы²¹.

Но я не задал автору рецензируемой книги еще один вопрос: из какого неизвестного источника в списке преподаваемых Кантом русским офицерам курсов появилась география? И уж если о ней зашла речь, то Кант преподавал в университете физическую географию, которая, как и тогдашний термин «оптимизм», несколько отличается от нашего современного представления об этом предмете.

Как отразилась русская оккупация на философском творчестве Канта? На этот счет в книге Эткинда на соседних страницах я обнаружил плохо состыковывающиеся между собой утверждения. С одной стороны, он подчеркивает:

[в кантовских] работах и лекциях того времени видны признаки разочарования философией и интеллектуальной жизнью, начало «кризиса среднего возраста» (Zammato, 2002). Историк Антони Ла Вопа находит «элементы насмешки над собой и даже ненависти к себе» в лекциях Канта этого периода... Не всегда замечая это, исследователи кантовского кризиса говорят о периоде, совпадающем со временем русской оккупации Кёнигсберга (с. 284).

Но тут же Эткинд говорит и об охватившем Канта «писчем спазме»:

Во время оккупации он почти ничего не публиковал. За пять лет российского правления увидели свет лишь несколько его эссе на весьма специфическую тему: о землетрясениях (с. 284—285).

¹⁹ *Kantiana*. Beiträge zu Immanuel Kants Leben und Schriften / Hrsg. von R. Reicke. Königsberg, 1860. S. 40.

²⁰ *Reichardt J. F. Autobiographie // Berlinische musikalische Zeitung / Hrsg. von J. F. Reichardt*. Berlin, 1805. S. 220.

²¹ *Ibid.* S. 221.

Если Кант почти ничего не писал, то в каких его работах обнаруживаются признаки разочарования философией? В эссе о землетрясениях, как произведениях на «специфическую тему», речи об этом не ведется. К сожалению, в указании на книгу Заммито не поставлена страница, а поэтому я не могу проверить, что же на самом деле написал в данной связи этот историк. Нечувствительность со стороны Эткинда к экзистенциальной важности и метафизической глубине европейского спора о землетрясениях и связанных с ним взглядах на мироустройство и проблему теодицеи для меня просто удивительна. Кант выступил тут именно как мыслитель, откликнувшийся на животрепещущие проблемы своего времени. Но сейчас я хочу сказать все же о другом. Пресловутые «эссе о землетрясениях» — это следующие работы Канта:

«Von den Ursachen der Erderschütterungen bei Gelegenheit des Unglücks» [«О причинах землетрясений в связи со случившейся катастрофой»] (1756);

«Geschichte und Naturbeschreibung der merkwürdigsten Vorfälle des Erdbebens, welches an dem Ende des 1755sten Jahres einen großen Theil der Erde erschüttert hat» [«История и естественное описание странных случаев землетрясения, произошедшего в конце 1755 года на значительной части Земли»] (1756);

«M. Immanuel Kants fortgesetzte Betrachtung der seit einiger Zeit wahrgenommenen Erderschütterungen» [«Магистра Иммануила Канта продолженное рассмотрение случившихся недавно землетрясений»] (1756).

И я никак не могу взять в толк, какое отношение к этим статьям 1756 г. имеет русская оккупация 1758–1762 гг.?

Работы Канта, которые действительно были напечатаны в это время, таковы:

«Neuer Lehrbegriff der Bewegung und Ruhe» [«Новая теория движения и покоя»] (1758);

«Versuch einiger Betrachtungen über den Optimismus» [«Опыт некоторых рассуждений об оптимизме»] (1759);

«Gedanken bei dem frühzeitigen Ableben des Hochwohlgebornen Herrn, HERRN Johann Friedrich von Funk» [«Мысли, вызванные безвременной кончиной высокородного господина Иоганна Фридриха фон Функа»] (1760);

«Die falsche Spitzfindigkeit der vier syllogistischen Figuren» [«Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма»] (1762).

Возможно, еще в период оккупации Кант начал писать и свое конкурсное сочинение об отчетливости в метафизике («Untersuchung über die Deutlichkeit der Grundsätze der natürlichen Theologie und der Moral» [«Исследование отчетливости принципов естественной теологии и морали»], 1762–1764).

Кстати, сочинение Канта об оптимизме Эткинд даже цитировал в своей книге, причем по русскому собранию сочинений Канта 1994 г. под редакцией Гулыги. Чтобы составить себе представление о том, какие работы великого философа появились в период русской оккупации, а какие нет, достаточно было лишь посмотреть оглавление первого и второго томов. Может быть, четыре опубликованных и пятое начатое сочинение за четыре с половиной года кому-то покажется мало, но даже и в этом случае я не мо-

гу понять, где здесь признаки «писчего спазма»? Между прочим, у Канта действительно с какой-то периодичностью наступали этапы, когда он практически ничего не публиковал, что можно назвать особенностью его творчества. Если принять во внимание тот ранний возраст, в котором его академический учитель М. Кнутцен стал экстраординарным профессором университета, Кант очень поздно опубликовал свою первую работу (в 1746 г. по титулу и 1749-м по факту). Следующие публикации Канта появились лишь в 1754–1755 гг., но связано это было не с оккупацией, а, вероятно, с периодом домашнего учительства. Однако давно ставший легендарным период молчания Канта приходится на время с диссертации 1770 г. до выхода в свет «Критики чистого разума» (1781). Какой оккупацией и какой «не выходящей из головы» Россией мог бы объяснить Эткиннд это десятилетие молчания Канта?

По утверждению же Эткиннда, разочарование в философии и насмешки над собой обнаруживаются у Канта не только в его печатных работах периода русской оккупации, но и в лекциях того времени. Возможно, не все это осознают, но речь идет о сенсации: оказывается, найдены и изучены записи кантовских лекций периода оккупации, о которых не известно даже широким кругам кантоведов, не говоря уже о простой публике. Если не брать во внимание только в 2009 г. опубликованные стараниями В. Штарка лекции по физической географии²² (да и те не могли использовать цитируемые Эткинндом авторы в работах 2002 и 2005 гг.), то по остальным дисциплинам самые ранние конспекты кантовских лекций по физике, математике, логике, метафизике, моральной философии и другим в лучшем случае относятся к зимнему семестру 1762/63 учебного года (как правило, в записи И.Г. Гердера), то есть как раз к тому периоду, когда Кант должен был испытывать радость освобождения от оккупации, небывалый творческий взлет и избавление «от своего субалтерного молчания» (с. 299). В библиографическом списке книги Эткиннда полностью отсутствуют немецкоязычные источники и литература, и как автор вообще решился при этом писать на темы Канта и Кёнигсберга, я понимаю с трудом. Из всех же работ самого Канта в этом списке лишь русскоязычное собрание сочинений, в котором конспекты лекций и вовсе не переведены²³. Так на чем же тогда автор основывает свои фантастические утверждения?

Выше я уже касался упреков Эткиннда кантоведам и биографам Канта за игнорирование влияния на философа русской оккупации. Он замечает:

Была ли причиной тому тревога или травма, но российская оккупация для Канта стала периодом творческого кризиса. Сразу после неожиданного окончания оккупации, в 1762–1763 годах, кризис прекратился (с. 285).

Это выразилось в публикации за короткое время значительного числа новых работ. Эткиннд поражается ученым, которые «не видят наиболее очевидной причины этого феномена — российской оккупации и ее окончания. Под властью России Кант был тем субалтерном, который не мог гово-

²² *Das Konzept zur Vorlesung über Physische Geographie (1757–1759) aufgrund der Handschrift, Holstein' // AA. Bd. 26. Berlin, 2009.*

²³ Отсутствуют в русском переводе и статьи Канта про землетрясения. С учетом того, что, кроме русскоязычного собрания сочинений кёнигсбергского философа, иные его работы в библиографии Эткиннда отсутствуют, возникает вопрос: а откуда ему вообще известно об их, как он выражается, «специфическом» содержании?

ритель. Или, точнее, публично он мог говорить только о землетрясениях (с. 285). Я еще раз напомним ключевые понятия из заглавий кантовских работ, которые философ действительно опубликовал или начал писать как русский подданный: понятие движения и покоя, рассуждения об оптимизме, ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма, мысли о безвременной кончине молодого человека, отчетливость принципов естественной теологии и морали. И я был бы, пожалуй, готов закрыть глаза на большинство ляпов в книге Эткинда, но с одной его претензией смириться уж никак нельзя, а именно с претензией открыть глаза кантоведам и широкой публике на то влияние, которое русская оккупация Кёнигсберга оказала на Канта. В этом вопросе Эткинд ломится в распахнутую дверь. Эпохальным событием для мирового кантоведения стал выход в свет в 1948 г. сравнительно небольшой книги К. Штавенхагена «Кант и Кёнигсберг». Основания для симпатий в адрес Советского Союза или России у немецкого ученого, покинувшего Кёнигсберг незадолго до прихода в него войск Красной армии, прямо скажем, отсутствовали. Тем оглушительнее был эффект от его главного тезиса об исключительно благотворном влиянии русского присутствия на философское становление Канта. На редкость убедительная, основанная на разнообразных источниках книга бывшего кёнигсбержца Штавенхагена с тех пор настолько утвердилась, что в своих основных выводах практически не оспаривается серьезными исследователями, хотя в первые послевоенные годы некоторые его коллеги, нередко с сомнительным прошлым времен Третьего рейха, пусть и робко, но пытались снять с него, как им казалось, розовые очки.

И Кюн, и Заммито, которых цитирует Эткинд, писали свои исследования под впечатлением от работы Штавенхагена²⁴. Кюн отмечает²⁵ некое сопротивление русским со стороны священнослужителей, но с отсылкой к Штавенхагену прямо заявляет: в целом русская оккупация была благом для Кёнигсберга. Некоторые университетские преподаватели сохранили определенную дистанцию к русским, но Кант относился к иной группе, для которой были характерны доверительные отношения с ними. В отличие от Эткинда, ни с какими катастрофами и землетрясениями Кюн этот период жизни Канта совершенно справедливо не связывает. Заммито, которого Эткинд упрекает за игнорирование воздействия оккупации, как и Кюн, задается вопросом о влиянии русского присутствия на Кёнигсберг и также прямоком отсылает к Штавенхагену, описывающему это «наиболее живо»²⁶: Кёнигсберг испытал «полное преобразование жизненного стандарта и общественных форм», распространение «всей широты свободного от предрассудков восточного стиля жизни»²⁷. В рамках рецензии я не могу подробно описать, в чем же именно состояла эта благотворность — желающие подробностей могут обратиться к превосходной книге Штавенхагена, — однако в неполном тезисном виде это может звучать так: повышение статуса университета и его преподавателей, слом сословных предрассудков и барьеров, новая роль женщин в обществе, небывалое для пиетист-

²⁴ Если этих имен мало, то можно упомянуть и фундаментальный исторический труд Ф. Гаузе: *Gause F. Die Geschichte der Stadt Königsberg in Preussen. Bd. 2. Köln, 1968. S. 154–159.*

²⁵ См.: *Kuehn M. Kant: A Biography. P. 112–118.*

²⁶ См.: *Zammito J. H. Kant, Herder and the Birth of Anthropology. P. 88.*

²⁷ *Stavenhagen K. Kant und Königsberg. Göttingen, 1948. S. 20–21.*

ского города оживление общественной жизни, расцвет торговли, «эмансипация», «внутреннее освобождение» и «гуманизация». Но я боюсь, что все это не только никак не вписывается, но и полностью противоречит идеям Эткинда о «внутренней колонизации» России. Существенно также, что и после оставления русскими войсками Кёнигсберга жизнь в нем не вернулась к прежним порядкам с налетом пиедизма. И тот подъем публикационной активности Канта с 1763 г., о котором пишет Эткинд, есть одно из благотворных следствий русской оккупации, оказывающей свое продолжительное воздействие даже после ее окончания.

У меня нет возможности столь же подробно разбирать фактические ошибки и нелепости, содержащиеся на оставшихся страницах девятой главы книги Эткинда, посвященных Болотову, Гердеру и Т. Аббту. Скажу лишь, что их достаточно и там, хотя справедливости ради стоит отметить, что их меньше, нежели на страницах о Канте. Встретились мне грубые фактические ошибки и в иных главах этой книги. Но ведь книга Эткинда — не о Канте, а о внутренней колонизации, о которой я практически ничего не сказал, придираясь к каким-то незначительным мелочам. А в целом-то автор, может быть, прав, и используемое им понятие внутренней колонизации обосновано, обладает большой эвристической ценностью, а его взгляд на многовековую историю России не только свеж, но и справедлив. На сайте издательства «Новое литературное обозрение» о библиотеке журнала «Неприкосновенный запас», в рамках которой и была опубликована книга Эткинда, говорится: «В серии представлены новейшие достижения во всех областях социальных наук — от социологии до теоретической географии, от политологии до антропологии». Таким образом, книгу Эткинда я воспринимаю не как публицистику, а как научную монографию. О фактической стороне этой монографии мне добавить нечего — она ужасна. Рассуждения же автора о внутренней колонизации России оказываются параллельны описываемым им — по крайней мере, в девятой главе — событиям, призванным подтвердить и проиллюстрировать правоту автора в его теоретических размышлениях, либо же речь идет о какой-то незнакомой мне альтернативной истории, положенной в основу концептуальных представлений автора. Обсуждать же убеждения, личные пристрастия и идеологемы автора научной монографии, коими при таком раскладе и при такой фактической составляющей оказываются его представления о внутренней колонизации, я не считаю для себя возможным.

Досадные оплошности, глупые опечатки, те или иные недоразумения, трудности в переводе, к сожалению, случаются даже у самых ответственных и добросовестных авторов, и пусть в них первым бросит камень тот, кто сам без греха. Однако книга Эткинда относится к другой категории работ, и такой систематической недобросовестности и откровенной халтуры мне уже давно не встречалось. Последняя работа из этого же ряда, попадавшаяся мне на глаза — это, пожалуй, печально известная «Булгаковская энциклопедия» (2005). Раньше я лишь однажды сталкивался с работами А. М. Эткинда, а именно с его вышедшей в том же издательстве «Новое литературное обозрение» книгой «Хлыст (Секты, литература и революция)» (М., 1998). В ней автор, в частности, утверждал: «Афанасий Шапов, один из самых больших авторитетов народнической мысли, писал о скопческой природе Канта» (с. 342). В качестве ссылки без указания страницы была названа одна из статей Шапова, которую я просматривал несколько раз, но так ни-

чего и не обнаружил в ней о кёнигсбергском философе (см.: Шапов А. П. Умственные направления русского раскола // Соч. : в 3 т. СПб., 1906. Т. 1. С. 580–648). После знакомства с новой книгой Эткинда я начинаю догадываться, почему мои тогдашние поиски были безуспешны.

Только что я обнаружил интервью Эткинда о сегодняшнем состоянии Российской академии наук, в котором гуманитарным и социальным наукам в рамках РАН бросается упрек в том, что они запятнали себя «черными делами», в том числе и «халтурной работой»²⁸. Мне импонирует критический настрой А. М. Эткинда и его декларированная нетерпимость к халтуре. Но если наука интернациональна, то для противодействия халтурной работе следует обращать свой взор не только в сторону гуманитарных и социальных наук РАН и российских университетов (халтуры там не просто хватает, но в некоторых областях ее просто критический перебор), но и в сторону Кембриджского университета — а для начала достаточно лишь открыть свою новую книгу и посмотреть на нее честным взглядом.

---

²⁸ См.: Реформа РАН. Александр Эткинд. URL: <http://sobaka.ru/magazine/glavnoe/18084#fb> (дата обращения: 28.08.2013).